

VI.

Въ первыхъ тринадцати книгахъ Боккаччо дважды касался и вопроса о поэзіи, раскрывая значеніе ея аллегоризма¹⁾, защищая отъ нападеній узкихъ правоучителей. Разумѣется поэзія классиковъ, поэзія-богословіе, какъ выразились бы Петрарка и Боккаччо, права языческаго миѳа на значеніе поэтическаго сюжета. Боккаччо говорилъ объ этомъ въ біографіи Данте, XIV-я книга Генеалогій вся посвящена разбору тѣхъ же положеній, обстоятельственному, порой страстно личному, безъ порядка спѣшащему отъ вопроса къ вопросу, начинающему прямо съ нападенія.

Мой трудный путь свершенъ, обращается Боккаччо къ королю: по твоему желанію я собралъ какіе могъ остатки отъ крушенія старого язычества, соединилъ ихъ въ одно цѣлое, привели и толкованія. Теперь выйди бы на берегъ, отдохнуть и съ благодарственной молитвой къ Богуувѣнчать лавромъ побѣдонасную ладью! Но я чую возможность бури; что станется съ ладьей безъ коричаго? Надо охранить ее отъ грозы и непогоды, защитить свой трудъ отъ враговъ поэзіи и поэтовъ, самого автора отъ нападеній, подсказанныхъ завистью. Трудъ мой попадеть прежде всего въ руки твоего Величества, и я увѣренъ, что принявъ его благосклонно, ты подивишься, до какихъ онъ выросъ размѣровъ; я знаю, что, по недостатку книгъ, онъ не полонъ, но когда, читая его, ты увидишь, какъ изъ подъ грубой оболочки негаданный смыслъ выдѣляется, какъ полосы свѣта отъ огненнаго шара²⁾, ты будешь пораженъ и, получивъ нѣкое удовольствіе, похвалишь³⁾. Мне вѣдь знакомъ твой давній взглядъ на поэтовъ, что они не простые были баснословы, какъ говорять

1) I, 3.

2) Non aliter quam si ex igneo globo recentes scaturire latices.

3) Modesta quadam delectatione laudabis.

завистники, а ученые люди, одаренные какъ бы божественнымъ духомъ и искусствомъ. Какъ бы то ни было, отъ тебя я ожидаю справедливаго суждения, снисходительной критики и поощрения; это напередъ меня радуетъ; но моя книга перейдетъ отъ тебя въ руки твоихъ знакомыхъ¹⁾ — и здѣсь я начинаю беспокоиться: вѣдь зависть прирождена людямъ со времени грѣхопаденія; на бросаются на мой трудъ, найдутъ въ немъ слабыя стороны и начнутъ терзать его. Ихъ то нападенія я и хочу предупредить²⁾.

Начну съ болѣе слабыхъ противниковъ. Это люди, для которыхъ высшее благо — есть, пить, предаваться разврату и тунеядству; самоувѣренno и надменно они произносятъ свои сужденія о достойныхъ людяхъ, глумясь надъ ихъ учеными бѣніями и скромными трудами. О безразсудный, скажутъ они мнѣ, сколько времени ты потерялъ, трудясь по пусту, сколько бумаги извелъ, сколько стиховъ нацарапалъ даромъ! Не лучше-ли было бы любить, пить и ъсть, чѣмъ писать пустяки? — Стоитъ-ли отвѣтчать этимъ прихлебателямъ и опиваламъ, вырвавшимся изъ гнѣздъ разврата! Ихъ хула въ похвалу достойнымъ людямъ, ибо нѣть ничего неприличнѣе и противнѣе невѣжи; лучше слышать осиный ревъ, свиное хрюканье и мычанье быковъ, чѣмъ ихъ рѣчи. Пусть служать себѣ мамонѣ³⁾.

Есть еще сортъ людей, болѣе нравственныхъ, но столь-же неразумныхъ. Школы они не видѣли, но слышали когда-то имена нѣкоторыхъ философовъ и возмнили себя таковыми; и не столько возмнили, сколько желаютъ таковыми прослыть. Прочтя нѣсколько итальянскихъ книжекъ⁴⁾, схвативъ однѣ верхушки⁵⁾, они любятъ ходить къ ученымъ людямъ, и здѣсь съ притворной степенностю рѣчи и таковыми-же нравственными вѣсомъ⁶⁾ поднимаютъ вопросы

1) *Im amicorum manus.*

2) XIV, введеніе и с. 1.

3) XIV, 2.

4) *Visis aliquando nonnullis libellis vulgarium.*

5) *Non nisi de apicibus rerum verba faciant.*

6) *Quadam facta gravitate verborum et morum ponderositate.*

о высокихъ предметахъ: напримѣръ, о трехъ лицахъ единаго божества, о томъ, можетъ ли Богъ создать подобнаго себѣ и т. п. На объясненія свѣдущихъ людей они отвѣчаютъ пустыми фразами, показываютъ, что отвѣтъ ихъ не удовлетворяетъ, качаютъ головой и, съ улыбкой поглядѣвъ на присутствующихъ при бесѣдѣ, какъ бы снисходя къ достоинству отвѣчающаго, удаляются. А тамъ, на посидѣлкахъ у бабъ¹⁾ или на перекресткахъ передъ невѣжественной толпой, они выкладываютъ то, что удержала ихъ лѣнивая²⁾ память, глубоко переводя духъ, точно говорятъ отъ себя, добытое съ трудомъ изъ нѣдръ божественнаго духа; говорятъ не въ томъ порядкѣ, какъ слышали, а перескакивая отъ одного сюжета къ другому, не приходя ни къ какому заключенію, путая себя и слушателей. Казалось бы, они изучили всѣ свободныя искусства, и когда оказывается, что не слыхали даже имёнъ Присціана, Аристотеля, Цицерона, Аристарха, Эвклида и Птолемея, отвѣчаютъ съ противной болтливостью, что пренебрегли ими для высокихъ откровеній богословія. Такъ судятъ они и о людскихъ нравахъ, о дѣяніяхъ героевъ, о законахъ; когда-же дѣло зайдетъ о поэзіи и поэтахъ, они порицаютъ ихъ и отвергаютъ, точно все читали: музъ называютъ косноязычными, Геликонъ и касталійскій источникъ и дубрава Феба—все это выдумки сумасбродовъ, которыягодны развѣ мальчикамъ для введенія въ грамматику. Я знаю, что эти люди скажутъ о моей книгѣ, о поэтахъ, но отвѣтать имъ я не стану, мнѣ жаль ихъ: пусть лучше займутся своимъ дѣломъ, либо, если ужъ жажды славы разбираетъ ихъ, пусть сначала поучатся, почитаютъ, послушаютъ умныхъ споровъ, памятуя правило Пиѳагора, по которому никто въ его школѣ не смѣлъ говорить, не пробывъ слушателемъ въ теченіи пяти лѣтъ³⁾.

За нахально-наивными самозванцами науки идетъ третья

1) *Apud muliercularum textrinas.*

2) *Intellectus.... remissus.*

3) XIV, 3.

группа противниковъ поэзіи—это юристы; Боккаччо не долюбливаетъ ихъ издавна; поклонники наживы, они въ пріятельскомъ кружкѣ не прочь похвалить поэтовъ за ихъ ученость и краснорѣчіе, но въ ихъ похвалахъ скрывается и ядъ: поэты — люди неблагоразумные, ибо отдавались недоходному труду; оттого они всегда были бѣдняками. Да, поэзія не даетъ богатства, какъ и вся умозрительныя дисциплины; это дѣло ремесленныхъ занятій, юристовъ, чеканящихъ монету молотомъ продажнаго языка, обращающихъ, при помощи своего краснорѣчія, слезы несчастныхъ въ золото. Въ этомъ отношеніи поэзія стоитъ на одной степени съ физикой, изучающей законы природы, съ богословіемъ; она занимается высшими вопросами: обитая въ небѣ, въ божественныхъ совѣтахъ, она увлекаетъ немногихъ къ возждѣнію вѣчной славы, внушаетъ возвышенные помыслы, подсказываетъ дивные образы и изящныя рѣчи, и когда, склоняясь на коленія, она сходитъ на землю въ обществѣ священныхъ музъ,—поселяется не во дворцахъ и не въ роскошныхъ палатахъ, а въ пещерахъ и ущельяхъ, въ тѣни лѣсовъ, у серебристыхъ источниковъ, въ убогихъ пріютахъ людей занимающихся. Поэты бѣдны, но не неблагоразумны, ибо благоразумнѣе стремиться къ возвышенному, чѣмъ къ бренному, къ постоянному, чѣмъ къ преходящему; законы не вездѣ одни и тѣ же, по однимъ живеть эѳопъ, по другимъ савроматъ, къ тому же они меняются, выходятъ изъ употребленія, почему юриспруденція не наука, а скорѣе искусство¹⁾; поэзія, незыблемая, покоится на постоянныхъ началахъ, сулитъ долговѣчное благо: славу въ потомствѣ. Поэты бѣдны, но ихъ имя окружено славой; кто изъ юристовъ удостоился памяти и почета Гомера и Плавта, Эннія и Виргилія? Если такъ, то и мой трудъ былъ не напрасенъ, заключаетъ Боккаччо,—но тема о бѣдности принадлежала къ его излюбленнымъ, и онъ даетъ намъ ея анализъ: есть бѣдность хорошая, желанная, равносильная ограниченнюю желаній, отсутствію любостяжанія: это бѣдность Діогена, Ксено-

1) *Facultatem legum, non scientiam esse dicendam.*

крата, Аваксагора, Амикла,—поэтовъ; можно-ли представить себѣ Гомера, творящимъ Иліаду и въ то-же время судящимся съ крестьяниномъ или требующимъ отчета отъ домоправителя? Эту бѣдность воспѣвали поэты, Камиллы, Фабриція, Сциллоны побѣдили юю міръ¹⁾). И есть другая бѣдность, врагъ мира и покоя, гнетущее желаніе наживы при полномъ обезспеченіи. Это бѣдность Тантала, — и напрасно юристы жалѣютъ поэтовъ²⁾.

Типъ ханжей, мечущихъ на позію свои благочестивые громы, вышелъ еще ярче, чѣмъ характеристика болтуновъ-начетчиковъ; тѣ и другіе отдаютъ стилемъ Декамерона. Есть на землѣ храмъ, на подобіе чертога небеснаго совѣта; въ немъ возсѣаетъ царственная жена, философія, въ лѣвой рукѣ у нея книга, въ правой же зель, за нею на возвышенныхъ сѣдалищахъ ея служители, почтенные, благодушные, блестители ея учений, которыя они передаютъ людямъ; далѣе толпа ихъ ревностныхъ учениковъ. Но есть между ними и такіе, которые, едва усвоивъ начала знаній, осмысливаются наложить руки на царственную порфиру и, оторвавъ отъ неї клочки, запасшись разными титулами, которые нерѣдко предлагаются на продажу въ храма, выходятъ изъ него надменные, точно познали всю божественную мудрость. Они корчать изъ себя добродѣтельныхъ людей, лицо искажаютъ, будто это у нихъ отъ бѣній, глаза потуплены, точно они боятся прервать свои думы; они шествуютъ медленно, дабы дураки вообразили себя, что они падаютъ подъ бременемъ своихъ возвышенныхъ созерцаній. Они одѣваются скромно, не потому, что таково ихъ настроеніе, а чтобы обмануть другихъ видомъ святости; говорять рѣдко и важно, отвѣчаютъ съ остановками, вздохнувъ и помолчавъ, возведя очи горѣ, потому что до небесныхъ тайнъ вѣдь далеко; исповѣдуютъ благочестіе, святость, правосудіе, часто цитуя пророческія слова; напримѣръ, *Zelus domus dei comedit me.*

1) *Excelsis praeuersuere regibus, orbis praefecere imperio.* См. *De Casibus III, 1; VIII, 17* и выше стр. 200.

2) XIV, 4.

Воть эти-то люди и показывают свое удивительное знаніе, по-рицаю все, чего не знаютъ, и дѣлаютъ это не безъ причины: такимъ образомъ они отклоняютъ вопросы, на которые не въ состояніи были бы отвѣтить, либо даютъ понять, что пренебрегли ими, какъ не стоящими вниманія, и обратились къ болѣе серьезнымъ. Такъ обойдя дураковъ, они смѣло вмѣшиваются въ мірскія дѣла, даютъ совѣты, устраиваютъ браки, участвуютъ въ пирахъ, пишутъ и приводятъ въ исполненіе духовныя завѣщанія и многое другое дѣлаютъ, недостойное философовъ. И слава ихъ ростетъ въ народѣ, сами они проникаются спѣсью, имъ пріятно, чтобъ на нихъ показывали пальцемъ, передъ ними вставали, называли ихъ равви, кланялись бы имъ, приглашали, давали бы первое мѣсто¹⁾. Все это придаетъ имъ смѣлость; они не стѣспяются жать въ чужомъ полѣ; и вотъ, когда при нихъ случайно зайдетъ рѣчь о поэзіи и поэтахъ, они приходятъ въ гнѣвъ, ихъ глаза горятъ, они рвутъ и мечутъ и такъ голосятъ передъ равнодушной толпой²⁾, въ школахъ ли, или на площадяхъ и съ амвоновъ, что слушатели начинаютъ бояться за себя. Поэзія — пустое, достойное смѣха занятіе, говорятъ они, поэты — баснословы³⁾, хуже того, обманщики⁴⁾, живутъ въ лѣсахъ и на горахъ, ибо не знаютъ городскихъ нравовъ; ихъ поэмы и не понятны⁵⁾ и лживы, полны неприличій⁶⁾ и глупыхъ разсказовъ о языческихъ богахъ, напримѣръ, о Юпитерѣ, то прелюбодѣѣ и развратнике, то отцѣ боговъ, то властителѣ неба; онъ и огонь и воздухъ, то человѣкъ, то быкъ. Кромѣ того они называютъ поэтовъ соблазнителями, обезьянами философовъ; безъ разбора они готовы изгнать ихъ изъ городовъ, опираясь на мнѣніе Платона, а вмѣстѣ съ ними и ихъ сценическихъ прелестницъ⁷⁾, какъ говорить Боэцій.

1) Proponant.

2) Vulgo inertii.

3) Homines esse fabulosos.

4) Fabulones.

5) Obscura.

6) Lascivias.

7) Scenicas meretriculas, то-есть, музъ.

Къ такимъ-то милостивымъ, нелицепріятнымъ судьямъ попадеть и мой трудъ, говоритъ Боккаччо, и они станутъ ходить вокругъ него, какъ голодные волки, ища, что поглотить. Суды глупые ¹⁾, но сильные въ другихъ отношеніяхъ ²⁾— и Боккаччо боится и трепещетъ, призывая помошь Бога и короля; вѣдь онъ для него и работалъ ³⁾.— Въ сущности вся слѣдующая защита поэзіи и написана въ виду этихъ судей; другіе не стоили такой обороны.

Говорять, поэзія — пустое искусство ⁴⁾; но это — противорѣчіе въ самомъ себѣ; самое слово искусство указываетъ на содержимое ⁵⁾, говоритъ Боккаччо, фехтуя словами, какъ его противники, которыхъ онъ величаетъ то невѣжами, то, иронически, людьми тонкими ⁶⁾, всезнающими. Пустое дѣло не заставило бы столькихъ именитыхъ людей дорожить именемъ поэта, не вызвало бы столь многочисленныхъ произведений. Но противники ускользнутъ въ сторону и слово пустой замѣнять — вреднымъ: поэзія воспѣваетъ мерзости боговъ. Сознаюсь, есть такія произведенія; но еслибъ Пракситель или Фидій предпочли какой нибудь неприличный сюжетъ цѣломудренной Діанѣ, еслибъ Апеллесь или нашъ Джьотто, второй Апеллесь своего времени ⁷⁾, вздумали изобразить шашни Марса и Венеры, вмѣсто Зевса, изрекающаго законы со своего престола, я сказалъ бы, что виной тому сладострастное движение ума; были и поэты, если только возможно назвать ихъ поэтами, которые позволяли себѣ подобное изъ выгоды или въ угоду вкусу своего времени. Все это подлежить осужденію; но исключенія не даютъ повода осуждать всю поэзію.

1) Inepti.

2) Alias tamen valent.

3) XIV, 5.

4) XIV, 6: futilem facultatem.

5) Aliqualem plenitudinem.

6) Elegantes hi viri.

7) Quo suo aevo non fuit Apelles superior. О Джьотто сл. выше т. I, стр. 514 и прим. 6.

Поэзія—это не только нѣчто, но и достойная уваженія наука¹⁾—и Боккачъо пытается дать ей опредѣленіе: это — страстное побужденіе²⁾ изобрѣсть и выразить изобрѣтенное словомъ; побужденіе, исходящее оть Бога и врожденное немногимъ. Ея проявленія прекрасны: она вселяетъ потребность высказаться, измышлять новое и неслыханное, измышленное располагать въ извѣстномъ порядкѣ, украшать необычнымъ подборомъ словъ и изреченій, скрывать истину подъ покровомъ пристойнаго баснословія, смотря по сюжету: вооружать царей, выводить рати и флоты, описывать страны и воды, украшать дѣвъ вѣнками и цвѣтами, возбуждать коснѣющіхъ, сдерживать смѣльчаковъ, налагать узы на виновныхъ, восхвалять достойныхъ. Но одного врожденного побужденія недостаточно, если нѣть обычныхъ орудій для выраженія: необходимо полное знаніе грамматическихъ и реторическихъ правилъ (хотя и были люди, удивительно писавшіе на родномъ, то-есть, не на латинскомъ языке, настоящіе поэты)³⁾, надо владѣть хотя бы началами другихъ свободныхъ дисциплинъ, нравственныхъ и естественно-историческихъ, располагать обилиемъ словъ, видѣть памятники древности, помнить исторіи народовъ, знать расположеніе странъ и морей, рѣкъ и горъ. Полезна поэтамъ прелесть уединенія, спокойствіе духа, стремленіе къ земной славѣ, нерѣдко на пользу и пыль юности. Гдѣ всего этого нѣть, тамъ талантъ коснѣеть. А такъ какъ это страстное возбужденіе, изощряющее и просвѣщающее силы ума, можетъ породить лишь нѣчто искусственное⁴⁾, то поэзія и называется искусствомъ. Ея название не отъ греческаго: роуо, роус, что означаетъ творю, творить⁵⁾, но отъ древнѣйшаго греческаго слова poetes, что означаетъ: изящ-

1) Scientia veneranda.

2) XIV, 7: furor quidam.

3) Esto nonnulli mirabiliter materno sermone iam scripserint et per singula poesis officia peregerint.

4) Artificiatum.

5) Fingo, fingis.

ная рѣчъ¹⁾, ибо первые вдохновенные поэты начали соблюдать въ своей рѣчи количество, въ выдахъ благозвучія, а дабы излишняя краткость или пространность не вредили впечатлѣнію, подчинили ее извѣстной мѣрѣ и опредѣленному числу стопъ или слоговъ; что такимъ образомъ получалось, носило название, не поэзіи, а поэмы.

Сіятельные порицатели не повѣрять моимъ утвержденіямъ, что дарь поэзіи оть Бога, но, быть можетъ, повѣрять слову Цицерона, въ его рѣчи за Архія, что всѣмъ другимъ наукамъ обучаются, одна лишь поэзія оть природы, оть возбужденія духовныхъ силъ, какъ бы оть божественнаго вдохновенія.—И Боккаччо уличаетъ своихъ противниковъ тѣмъ, что они, отвергающіе поэзію, пользуются ея же средствами, когда говорятъ, напримѣръ, о небесной лѣстницѣ, заставляютъ деревья выситься до неба и т. п. Они скажутъ, что это средства риторики, и въ извѣстной мѣрѣ я того отрицать не стану, но въ изображеніи поэтическихъ иносказаній и того, что онѣ выражаютъ, риторика не при чемъ: это дѣло поэзіи²⁾.

Гдѣ она впервые появилась — сказать трудно. Полагаютъ, что въ связи съ первыми священными обрядами и сопровождавшимъ ихъ молитвословіемъ; одни думаютъ, что у евреевъ (жертвоприношеніе Каина и Аvelя, Ноя, Авраама, Моисея), другіе, что у вавилонянъ (Немвродъ), какъ утверждаетъ съ обычной болтливостью венетъ, епископъ пущольскій, великий изслѣдователь всякихъ исторій³⁾). Откуда онъ это взялъ — онъ не говорить; часто я читалъ о древности религіи, философіи у ассирийцевъ, объ ихъ великой славѣ; но чтобы у такихъ грубыхъ⁴⁾ народовъ зародилось столь высокое искусство, какъ поэзія, мнѣ не вѣрится. Греки приписываютъ ея начало себѣ, какъ утверждалъ Леонтій,

1) *Exquisita locutio;* см. выше стр. 819, прим. 1.

2) *Mera poesis est, quicquid sub velamento componimus et exquiritur exquisite.*

3) См. выше стр. 103.

4) XIV, 8: *immanes.*

и Боккачъю готовъ съ нимъ согласиться, поминая слова своего знаменитаго учителя Петрарки, которая развивалъ въ своей биографії Данге¹⁾). Говорятъ, первыми поэтами у грековъ были Музей, Линъ и Орфей, но у нихъ были соименники; мнѣніе о времени ихъ жизни колеблется, — и высказавъ вскользь предположеніе о возможномъ тождествѣ Музея съ Моисеемъ, авторъ склоняется къ тому, что первыми поэтами были пророки, что Моисей написалъ часть своего Пятикнижія героическимъ стихомъ²⁾), а языческие поэты пошли по стопамъ еврейскихъ, только одни писали подъ наитіемъ Св. Духа, другіе по внутреннему страстному побужденію, откуда и ихъ имя: *vates*.

Ихъ зовутъ баснословами, но это не укоръ, а признаніе: такъ и философа не представишь себѣ безъ силлогизма. Что такое басня, вымыселъ? Это примѣръ или притча, раскрывающая изъ подъ своей оболочки мысль рассказывающаго³⁾). Есть четыре вида вымысловъ: первый, где внѣшняя оболочка лишена всякаго вѣроятія, когда, напримѣръ, выводятся въ басняхъ звѣри или неодушевленные предметы: таковы басни Эзопа; этотъ видъ знаетъ и священное писаніе, заставляя деревья избирать себѣ паря⁴⁾). Второй видъ смѣшивается дѣйствительное съ невѣроятнымъ⁵⁾), когда, напримѣръ, говорится о дочеряхъ Минея, прѣахъ, презрѣвшихъ оргіи Вакха и обращенныхъ за то въ летучихъ мышей. Такіе разсказы измышляли древнѣйшіе поэты, смѣшивая божественное съ человѣческимъ; у великихъ поэтовъ они служатъ возвышеннымъ цѣлямъ, нѣкоторые комики исказили ихъ, не заботясь о нравственности, служа вкусамъ развратной толпы. Но если отвергать ихъ вообще, то придется отвергнуть въ Ветхомъ Завѣтѣ все, что богословы называютъ фигурами,

1) Сл. выше стр. 319.

2) Heroico . . . carmine.

3) XIV, 9: *fabula est exemplaris seu demonstrativa sub figmento locuti, cuius amoto cortice patet intentio fabulantis.*

4) *Lingua scilicet silvarum de constituendo rege sibi habuisse colloquium.*

5) *Fabulosa.*

видѣнія Исаїи, Іезекіїля и Даніила. Третій видъ вымысловъ болѣе отвѣчаетъ понятію историческаго разсказа: такъ Виргилій представляетъ Энея, испытывающаго бурю; у Гомера Уліссъ привязалъ себя къ мачтѣ, чтобы не увлечься пѣснею сиренъ; и тотъ и другой поэты разумѣли въ обоихъ положеніяхъ не то, что изображали. Таковъ пріемъ пристойнѣйшихъ изъ комиковъ, Плавта и Теренція: ничего не подразумѣвая въ томъ, что они писали, они поучали и предостерегали читателей изображеніемъ людскихъ нравовъ и дѣяній, если и не дѣйствительно приключившихся, то возможныхъ, такъ они обычны. Если осуждать этотъ родъ вымысловъ, то то-же осужденіе постигнетъ и притчи Спасителя въ Евангеліи. Есть, наконецъ, еще видъ вымысловъ, гдѣ нѣть ни внѣшняго, ни внутренняго вѣроятія: это разсказы полоумныхъ старухъ¹⁾). Кажется, этотъ видъ басенъ противники поэзіи и отождествляютъ съ поэтическими вымыслами, заключаетъ Боккаччо, раскрывая ихъ значеніе, ихъ психологическое вліяніе, то успокаивающее, то возбуждающее, на примѣрахъ Хариты у Апулея и короля Роберта, воспитавшагося къ сознанію на басняхъ Эзопа²⁾.

Предполагать, что поэты ничего не желали выразить подъ личиной своихъ вымысловъ, а лишь хотѣли блеснуть своимъ краснорѣчіемъ — и смѣшно и глупо. Боккаччо указываетъ на иносказательный смыслъ въ буколикѣ и Энейдѣ Виргилія, на Данте и буколику Петrarки, минуя свою собственную, ибо о себѣ не говорять, да онъ и не смѣеть сопоставлять себя съ достойнѣйшими. Не только люди, взлѣянные музами, полные философскаго знанія, влагали въ свои поэтическія произведенія глубокій смыслъ, но нѣть такой выжившей изъ ума старухи, рассказывающей на зимнихъ посидѣлкахъ у очага про духовъ и фей³⁾, которая по своему малому разумѣнію не соединяла бы съ

1) Deiirantium vetularum inventio.

2) Сл. выше т. I, стр. 542—3.

3) XIV, 10: fabellas orci seu fatarum vel lamiarum et hujusmodi. Orco вм. Oraculo слѣдуетъ читать у Петrarки, Contra med. invect. III (стр. 1102): Audires,

своимъ рассказомъ какого-либо значенія, иногда далеко не смѣшного, страшая ребятъ, либо потѣшая дѣвушекъ, или потѣшаясь надъ старицами, или просто желая показать, каковы силы судьбы.

Поэты ищутъ уединенія не потому, что не знаютъ культурныхъ нравовъ и къ нимъ не способны; стоять только припомнить, сколь многіе изъ нихъ были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ царями и именитыми людьми, между прочими Данте и Петрарка. Они бѣгутъ изъ города, отъ двора, потому лишь, что тамъ ихъ творчество связано; такъ говорилъ Горацій—и Боккаччо поетъ хвалы уединенію въ природѣ, котораго искали отшельники и поэты¹). Но ихъ уединеніе не нравится людямъ, хулящимъ всѣхъ, кто не похожъ на нихъ. Да: поэтамъ не нравится наводить на лица искусственную блѣдность, вызывать похвалы мерзкимъ ханжествомъ; они не только не требуютъ, но и не желаютъ почестей и власти, источниковъ чревоугодія и тунеядства; не толкутся при дворахъ, не улещаютъ бабъ, чтобы стащить ввѣренныя имъ деньги, не превозносятъ ростовщиковъ²), соразмѣряя похвалы вознагражденію. Какъ-же не ненавидѣть ихъ въ ихъ уединенії?

Упрекаютъ поэтовъ въ намѣренной темнотѣ, которую они будто-бы щеголяютъ, тогда какъ древнее ораторское правило требовало вразумительности и ясности. Но развѣ у философовъ, къ числу которыхъ безстыдно причисляютъ себя противники поэзіи, нѣть темнотъ, нѣть ихъ въ св. Писаніи, знаніемъ котораго они кичатся³)? Но подспѣловатому и солнечный день кажется туманнымъ; такъ и имъ. Я не отрицаю, что въ иныхъ поэтахъ есть неясности, но поэтовъ слѣдуетъ не порицать, а ско-

credo, libentius fabellas, quas post coenam ante focum de Oraculo et lamiis audire soles.

1) XIV, 11; сл. выше т. I, стр. 509—10 (гдѣ ошибочно указаніе на 16-ю главу).

2) Caturcenses.

3) XIV, 12: cuius ipsi professores haberi cupiunt.

рѣе поощрять, если они набрасываютъ покровъ на то, что достойно памятованія и уваженія, что отъ излишней откровенности потеряло-бы цѣну и становится тѣмъ дороже, чѣмъ больше умственного труда потрачено на его откровеніе. Такъ объясняетъ и бл. Августинъ неясности св. Писанія. Надъ ними надо потрудиться; если худитеямъ поэтовъ непонятна ихъ рѣчь, фигуры и цветы краснорѣчія и подборъ неслыханныхъ словъ, пусть снова отправятся въ школу грамматики, испытаютъ ферулу учителя, познакомятся съ вольностями, дозволенными поэтамъ, читаютъ не одно только свое, итальянское, но и другое, и отринувъ старый духъ, исполняются новаго: тогда темное покажется имъ яснымъ и близкимъ. Святыню, по слову писанія, не бросаютъ пасмъ, передъ свиньями не мечутъ бисера¹⁾.

Обвиненіе поэтовъ во лжи заставляетъ Боккаччо еще разъ обратиться къ вопросу о значеніи вымысла и къ анализу понятія лжи, *mendacium*. Это — вымыселъ, похожій на истину, которымъ иные пользуются противъ нея. Но многіе поэтическіе вымыслы вовсе не похожи на истину, другими, напоминающими формы дѣйствительности, поэты пользовались, какъ притчами и примѣрами. Если они говорили о множествѣ боговъ, то не потому, чтобы не признавали единаго Бога, къ познанію котораго стремились, на сколько могли, силами человѣческаго ума, а выражая по своему во множествѣ боговъ разныя стороны и свойства одного и того-же божества. Не ихъ вина, если они не знали истинаго Бога; это вина Аристотеля, Платона, Сократа; они жили до проповѣди Евангелія, а евреи ни съ кѣмъ религіозно не общались; поэты и философы могли говорить ложное, но они не лгали. Другое обвиненіе касается искашеній, которыя позволилъ себѣ Вирgilij въ разсказѣ о Дионѣ. На это у него были причины, говорить Боккаччо: Вирgilij подражалъ пріемамъ Гомера, поэтическимъ, не исторіографическимъ. Историкъ сообщаетъ все,

1) Сл. съ этимъ отдѣломъ инвективу Петrarки, I. c. стр. 1105: *Quod si stylus insuetus videatur occultior и т. д., съ тѣми-же аргументами.*

въ порядкѣ времени, оть начала до конца; вотъ почему Лукана и зовутъ скорѣе историкомъ-стихотворцемъ, чѣмъ поэтомъ; поэтъ часто доказываетъ начало въ серединѣ и концѣ: таковъ разсказъ Улисса у Феаковъ, и Виргилій подражалъ ему, заведя Энея къ Дионѣ, хотя и жившой за нѣсколько столѣтій, и вложивъ въ его уста повѣсть о его предыдущей судьбѣ. Такимъ вымысломъ Виргилій достигалъ и другихъ цѣлей: выразить въ поэтическомъ иносказаніи, какой борьбѣ страстей подвергается человѣческая сла-
бость; восхвалить въ Энеѣ родъ Октавіана Цезаря, возвеличить пророческими словами Дионы славу римскаго имени ¹⁾.

Развратныхъ, нелѣпыхъ басенъ о богахъ, которыя выводятъ на сцену древніе комики, никто поощрять не станетъ; онѣ вызывали укоръ и въ старомъ Римѣ, а со времени Константина и папы Сильвестра онѣ и совсѣмъ отмѣнены; остались произведенія честныя, достойныяуваженія; смущаться тѣмъ, что Юпитеръ является богомъ то неба, то воздуха или огня, орломъ или человѣкомъ—нечего, если вспомнить, что и единаго истиннаго Бога священное писаніе называетъ солнцемъ и пламенемъ, львомъ и змѣемъ и агнцемъ и т. д. ²⁾). Если пелигнецъ Назонъ, поэтъ замѣчательный, хотя сладострастный ³⁾, написалъ свою *Agis Amatoria*, соблазнительную, но не лишнюю ⁴⁾, то съ одной стороны нѣть теперь юноши или дѣвушки, которые, отдаваясь страсти, не превзошли бы въ уловкахъ того, кого почитали учителемъ; съ другой есть такие поэты, какъ Гезіодъ, Виргилій и др., не подлежащіе тому-же порицанію. Ихъ осуждаются, не читавъ, заявляютъ, что и читать не хотятъ, ибо помышляютъ о высшемъ. Господь можетъ опочить, за него неусыпно трудятся другіе, занимаются высокими предметами, этимъ движется неподвижное небо. Что я говорю правду, вотъ тому доказательство: нѣкій почтен-

1) XIV, 13.

2) XIV, 14.

3) Clari sed lascivientis ingenii.

4) In quo si multa suadentur nefaria, nil tamen minus opportunum.

ный лѣтами мужъ, известный, впрочемъ, своей святостью и ученостю, толковалъ однажды утромъ въ нашей главной школѣ¹⁾ евангеліе отъ Иоанна, когда случайно, упомянувъ слово поэзіи, внезапно сверкнулъ глазами, поднялъ голову и, закусивъ удила, началъ говорить о поэтахъ невѣроятное — а далѣе заявилъ клятвенно, что никогда ихъ не видѣлъ и не желалъ видѣть! Развѣ Духъ Святой настроилъ его такъ строго — но я полагаю, въ столь грязныя души Онъ не вселяется. А между тѣмъ поэты не только не совращаютъ къ порокамъ, но и ведутъ къ добродѣтели: я не говорю о Гомерѣ, ибо по своему языку латинянамъ онъ менѣе знакомъ, а о Виргилиѣ, у которого было бы все свято, еслибы онъ позналъ истиннаго Бога; о Горациѣ, Персіи и Ювеналѣ²⁾. Если хулители считаютъ соблазномъ самую прелесть поэтической рѣчи, то напрасны были пѣснопѣнія Давида и Іова, Орфея, Гомера и другихъ; если они соединяютъ съ этимъ и соблазнъ содержанія, то тѣмъ самыми показываютъ, какихъ именно поэтовъ сами они читаютъ. Съ Божьей помощью сами они ухаживаютъ, пускаютъ влюбленные взгляды, пишутъ любовныя записочки, слагаютъ стишкы и пѣсенки, въ которыхъ говорять о своихъ чувствахъ и вздохахъ, и гдѣ не хватить умѣнья, обращаются за помощью къ учителямъ этого искусства, Катулламъ, Проперціямъ и Назонамъ, а затѣмъ ихъ же называютъ соблазнителями! Таковы-то чтенія этихъ людей³⁾, позволяющихъ себѣ обзвывать поэтовъ обезьянами философовъ. Если это говорится не въ насмѣшку, а серьезно, то поэты не обезьяны, не подражатели философовъ, а сами изъ ихъ числа, только ихъ средства разныя: одни дѣйствуютъ силлогизмомъ, другие иносказаниемъ, тѣ пишутъ прозой, эти стихами. Если поэты кому подражаютъ, то природѣ; но что-же можетъ быть почтеннѣе, какъ не стараться

1) In generali studio nostro.

2) XIV, 15.

3) XIV, 16.

воспроизвести искусствомъ, что природа творить своими силами¹⁾?

Надо бросить, сжечь произведения поэтовъ, они гибельны для души, пиша демоновъ, какъ говорилъ бл. Иеронимъ въ посланіи къ Дамазу о блудномъ сыне. Такъ кричать христіанскіе ревнители, привыкшіе скрывать свое невѣжество за запретами и коstrами, какъ врачи покрываютъ свои ошибки землею. Но за что-же? Тѣ поэты были язычники, не знали Христа, превозносили вѣру, которую почитали святою, измышляли многое, изящное и полезное. Какіе законы или пророки запрещаютъ читать ихъ? Разумѣется, читать умѣючи; у кого шлемъ стеклянныи, тому не слѣдъ ходить, гдѣ швыряются камнями. Никто не станетъ отрицать, что изучать священное писаніе полезнѣе, но не у всѣхъ природное влечение одинаковое, и если иные увлекаются поэзіей, какая въ томъ вина? Мы знакомимся и дружимся съ варварами, изучаемъ писанія еретиковъ, смотримъ на непристойныя игры скомороховъ²⁾, слушаемъ нескромныя пѣсни потѣшниковъ³⁾ на пирахъ; живописцу дозволено изображать въ храмахъ Цербера, охраняющаго порогъ Дида, Харона и Эринній и Плутона, назначающаго муки грѣшникамъ, а въ палатахъ царей и господъ любовныя шашни боговъ; однихъ поэтовъ запрещаютъ читать наши наставники, можетъ быть, въ желаніи блеснуть передъ бабенками своей мудростью и дождаться болѣе сдобныхъ приношеній⁴⁾. Но познать грѣхъ — не грѣхъ, а грѣхъ творить его⁵⁾, сказалъ апостолъ Павелъ; жемчужину можно найти и въ навозной кучѣ; истина не станетъ ложью потому лишь, что ее произнесъ поэтъ; богословы приводятъ въ свидѣтельство діавола, поэта приводить нельзя; но почему-же цитуемъ мы языческихъ философовъ, избѣгая поэтовъ, которые на нихъ воспитались? — Что до ссылки

1) XIV, 17.

2) XIV, 18: *joculatores*.

3) *Histriones*.

4) *Ut . . . inde pinguiores consequantur offas*.

5) *Scire malum malum non esse, sed operari*.

на Иеронима, то она касается тѣхъ низменныхъ комическихъ поэтовъ, которыхъ самъ Боккаччо осудилъ, а достойныхъ Иеронимъ не только читалъ, но и приводить въ подтвержденіе своихъ мнѣній; такъ и Августинъ, и Фульгенцій; апостолъ Павель цитовалъ стихи Менандра¹⁾ и Эпименіда²⁾, самъ Спаситель обратился къ апостолу Павлу съ словами Теренція³⁾, и не взялъ ихъ у него, а попустилъ Теренцію изречь то-же, что и Онъ.

Противники поэзіи опирались на мнѣніе Платона, желавшаго изгнать поэтовъ изъ своего государства, и по отношенію къ дѣствительному взгляду Платона они были правы. Петрарка⁴⁾ и Боккаччо⁵⁾, почерпнувшіе свои свѣдѣнія о «Республикѣ» изъ какого нибудь другаго источника, согласно отрицаютъ, что таково могло быть настоящее воззрѣніе философа. Если поэтовъ упрекаютъ за любовь къ уединенію (Гомеръ, Виргилий, Петрарка въ Воклюзѣ), то ихъ нечего и изгонять изъ городовъ, начинаетъ Боккаччо; да и не вѣрится, чтобы Платонъ исключилъ изъ нихъ Гомера, котораго священные законы цесарей зовутъ отцемъ добродѣтелей, стихи котораго цитируются въ кодексѣ Юстиніана, какъ то можно видѣть въ пизанскихъ пандектахъ, на котораго притязали семь городовъ, какъ говорится въ одной древнѣйшей греческой эпиграммѣ⁶⁾. Вопросъ о Гомерѣ вызываетъ таковой же о Солонѣ, Виргилии, Гораци, Персии, Ювеналѣ, Петраркѣ; очевидно, Платонъ имѣлъ въ виду не такихъ поэтовъ, а тѣхъ, которыхъ Боккаччо не разъ касался, такихъ же подонковъ поэзіи, какъ циники и эпикурейцы среди философовъ⁷⁾, еретики

1) Corrumptunt mores bonos colloquia mala

2) Cretenses semper mendaces, malae bestiae, ventres pigri.

3) Durum est tibi contra stimulum calcitrare.

4) Contra med. invect. III, 1104, которую слѣдуетъ сличить для всего съдующаго отдельно; см. Hortis, Studi, стр. 375—6, прим. 8.

5) XIV, 19.

6) Carmine.

7) Quid enim philosophia rerum omnium veracius? Haec amurcae loco, ut de ceteris taceam, cinicos habuit et epicurios. См. Petr. Contra med. Invect. III, 1103: Nec enim negaverim ut in vino fex et in oleo amurca, sic in rebus fere omnibus,

среди христіанъ. Боккачъо называетъ въ числѣ прочихъ, вредно вліявшихъ на нравственность, Плавта и Теренція, хотя и честныхъ людей — и Овидія. — Такую-то поэзію имѣлъ въ виду Бозпій, когда въ его видѣніи философія отстраняетъ отъ него сценическихъ распутницъ¹⁾), предоставляема уврачевать его себѣ самой и своимъ музамъ.

Боккачъо кончилъ свою отповѣдь хулителямъ поэзіи: онъ бытъ бы рѣзче, еслибы считалъ это приличнымъ, да и его противники внушаютъ ему болѣе состраданія, чѣмъ гнѣва, и онъ предлагаетъ имъ миръ²⁾), надѣясь, что они вразумлены его доводами и обратятся къ изученію и культу поэтовъ, какъ то не постыдился сдѣлать на старости лѣтъ король Робертъ. Если авторъ ошибся въ своемъ ожиданіи, и они еще коснѣютъ въ прежней враждѣ, пусть, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ отличіе между дурными и хорошими поэтами, не хулять достойныхъ между язычниками, ни еврейскихъ, выдѣлять Данте и Петрарку, а изъ древнихъ христіанскихъ Пруденція и Седулія, Аратора и Ювенка. Не пристало имъ быть строже нашей матери церкви, благодушно отнесшайся къ Оригену, писателю необычайного таланта и плодовитости, выбравъ изъ его писаній одно лишь похвальное, какъ разумная дѣвушка срываетъ цветы между колючекъ, не поранивъ пальцевъ, а колючки оставляетъ³⁾). Вѣдь и Августинъ и Иеронимъ нападали не на искусство поэзіи, а на выражавшіяся въ нихъ языческія заблужденія, и сами представили образцы цветущей латинской рѣчи. Боккачъо заключаетъ словами Цицерона въ защиту Архіи: занятія эти руководятъ юношество, утѣ-

etiam in corporeis, esse suam fecem. Itaque et philosophiae quaedam species, et philosophi quidam vulgo habentur infames, ut Epicurus totusque epicureus illegem.

1) XIV, 20: scenicas meretriculas.

2) XIV, 21.

3) XIV, 22: more solertis virginis quae inter spineta flores illaesis colligit digitis et spinarum aculeos sinit separatim vilescere; сл. Дек. V, 10, De Claris Mulieribus въ посвященіи и выше стр. 216 прим. 4.

шаютъ старость, въ счастіи онѣ украшеніе, въ несчастіи убѣжище и утѣха; радуютъ дома, не мѣшаютъ и вѣнѣ его; онѣ ночуютъ съ нами, путешествуютъ; еслибы мы сами были и не способны къ нимъ, мы всегда должны удивляться имъ вчужѣ, на другихъ. Если противники не вразумлены и послѣ того, Боккаччо болѣе писать не станетъ, ибо состраданіе уступило въ немъ мѣсто презрѣнію.

Защищая поэзію и поэтовъ, онъ защищалъ отчасти и себя; но этого недостаточно: ладья обережена, надо оберечь и пловца. Послѣдняя книга Генеалогій, посвященная его оборонѣ, носить чисто личный характеръ.

Многіе, при видѣ этого колосса (то-есть, Генеалогій), скажутъ, пожалуй, съ искреннимъ сожалѣніемъ, что трудъ этотъ не нуженъ и не полезенъ. Но что такое нужное? Развѣ нужны наши дворцы и капитоліи, драгоценныя одежды и утварь, когда той-же цѣли можетъ служить мазанка и шерсть животныхъ и глиняная посуда? Къ чему волосы, безъ которыхъ Венера не понравилась бы Марсусу? Все это служитъ украшеніемъ; этой цѣли достигаетъ и мой трудъ: что можетъ быть пріятнѣе, какъ вставить порой въ разговоръ какой-нибудь разсказъ, примѣнить его содержаніе? Въ раскрытиї этого содержанія, котораго и не подозревали въ поэтическихъ вымыслахъ — вторая цѣль труда и его польза. Богъ дасть, и впредь будутъ люди, преданные искусству поэзіи, имъ моя книга послужить, по крайней мѣрѣ, своими родословными¹⁾. Лишь бы она понравилась тебѣ, обращается Боккаччо къ королю, а о другихъ мнѣніяхъ я не заботчусь.

Иные станутъ соболѣзновать, что мой трудъ полонъ недочетовъ, непрочень и потому недолговѣченъ. Но пробѣловъ я ожидалъ и предупредилъ о нихъ заранѣе; что до долговѣчности, то вѣдь Илонъ паль скорѣе бѣдной хижинѣ Аглай Софидія; а я наперѣдъ наказалъ своему труду быть смиреннымъ, смиренныхъ Богъ милуетъ. Пусть говорять себѣ, что хотятъ, я говорю, что же-

1) XV, 1: fiet saltem tabulis preciosum.

лаю¹). Я сдѣлалъ свое дѣло, исполнилъ твои велѣнія, снова взываетъ авторъ къ королю, если мой трудъ устоитъ, то по милости Божией и твоей удачей. — Трудъ не устоитъ, скажутъ другіе, потому что дурно построенъ: грудь изъ черепа, изъ груди головы. На это я не знаю, что и отвѣтить. Я сказалъ въ самомъ началѣ, что начало генеалогіи спорное; я избралъ то, которое показалось мнѣ древнѣйшимъ, и къ нему, какъ съумѣль, пристроилъ остальные члены. Иного порядка я не нашелъ, пе смотря на то, что трудился прилежно и много книгъ перерылъ. Пусть научать меня фактами, не ограничиваясь голословными обличеніями²).

Что многаго у меня не достаетъ, многія лица не упомянуты въ генеалогіяхъ, это я знаю; виною недостатокъ книгъ, моя память. Если порой я позволялъ себѣ толковать смыслъ басенъ, чтѣ не по моимъ силамъ, то я слѣдовалъ въ этомъ желанію твоего Величества, отвѣтственность на тебѣ; я могъ кое-что проглядѣть, вѣдь смыкались глаза и у Аргуса, а у меня всего два глаза, да и ихъ часто побѣждаетъ сонъ. Но пусть мои противники дополнятъ пропущенное, предложатъ новыя объясненія; думаю, что я работалъ честно и правдиво³), и хотя быстрыми шагами приближаюсь къ старости⁴), не боюсь, а напротивъ жажду поучиться.

Упрекъ въ томъ, что онъ приводить «неслыханныя басни и исторіи» и трудные тексты, онъ устраниетъ указаніемъ на древнѣйшіе комментаріи, послужившіе ему источникомъ; что до трудности текста, но вѣдь ни на кого не угодишь: легкій и понятный вызоветъ обвиненіе, что это писано для школьніковъ, напишешь поискуснѣе, назовутъ писателя шероховатымъ⁵). Онъ обращался

1) XV, 2: dicant isti, quod volunt, et ego quod cupio arbitror.

2) XV, 3.

3) XV, 4: etsi non plene, verum tamen atque sancte scribere ratus sum.

4) Etsi jam totis pedibus in senium tendam.

5) XV, 5.

и къ новымъ авторамъ, характеристиками которыхъ мы уже воспользовались¹⁾, черпалъ и изъ малоизвѣстныхъ; нѣкоторая не-разборчивость объясняется новостью его труда: гражданскіе и каноническіе законы вызвали, по множеству текстовъ (умноженныхъ людскою злобой), цѣлый аппаратъ толкованій, философскія, медицинскія книги и Священное писаніе²⁾ комментируются и тол-куются; одна поэзія, какъ не приносящая выгоды, была въ за-гонѣ; пришлось брать материалъ, гдѣ онъ попадался. безъ осо-баго разбора³⁾, даже въ безыменныхъ глоссахъ.

О греческихъ стихахъ⁴⁾, встрѣчающихся въ моемъ труде, сказ-жутъ несомнѣнно, что приводиль я ихъ для хвастовства. Отвѣчу завистникамъ, по обыкновенію, спокойно: у меня были и еще есть творенія Гомера, изъ нихъ я почерпнулъ многое, ибо лучше брать изъ источника, чѣмъ изъ потоковъ; къ тому же стихи разбиваются однообразіе текста, приведенные въ подлинникѣ дѣйствуютъ убѣ-дительнѣе, я только подражалъ Цицерону, Макробію, Апулею, Авзонію. Мнѣ скажутъ, что тогда это было хорошо, теперь же напрасный трудъ, ибо никто не понимаетъ греческаго языка. Мнѣ остается только пожалѣть латинянъ, забывшихъ даже греческую грамоту: въ союзѣ съ греческой литературой, латинская, обніявшая весь западъ, выиграла бы въ блескѣ⁵⁾, да и древніе римляне не все взяли у грековъ, осталось многое, намъ неизвѣст-ное, познаніе чего было бы намъ на пользу. Но объ этомъ въ другой разъ; мои критики, вѣроятно, не знаютъ, что мой трудъ написанъ для ученьшаго короля, которому, если вѣрить мольвѣ, одинаково знакома и греческая и латинская письменность, при которомъ постоянно пребывають греки, имъ эти стихи покажутся не лишними. Но пусть такъ: и написалъ ихъ—не безъ намѣренія

1) Сл. выше стр. 881 слѣд.

2) XV, 6: sacrae litterae.

3) Absque tam celebri selectione.

4) XV, 7: graeca carmina.

5) Lucidiores.

показать себя¹⁾; къ чему же порицать меня за то, на что у меня есть право? Это моя честь и слава, что среди этрусковъ я понимаю греческие стихи²⁾. — Боккаччо разсказываетъ по этому поводу о своихъ занятияхъ съ Леонтиемъ Пилатомъ.— А на меня сердятся, что я, противъ обычая времени, вмѣшиваю въ латинскую рѣчь греческие стихи! Дайте же мнѣ хоть немного похвальиться плодами своего труда и снизойдите, памятуя слова Валерія Максима, что нѣтъ столь смиренного человѣка, котораго не привлекала бы сладость славы.

Нѣкоторые духовные люди³⁾ могутъ соблазниться названіемъ поэтовъ — теологами. Боккаччо приводить по бл. Августину мнѣніе Варрона о трехъ видахъ теологии⁴⁾, повторяетъ знакомый намъ взглядъ Аристотеля и удерживаетъ отождествленіе. Название теологии не предполагаетъ непремѣнно христіанское содержаніе, миѳическая теология древнихъ поэтовъ — скорѣе физиология или этиология; но поэтъ Данте можетъ быть названъ теологомъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова.

Занятіе языческими суевѣріями и генеalogіями боговъ можетъ увлечь въ заблужденія. Это вѣрно, говоритъ Боккаччо, инымъ его необходимо запретить, но не всѣмъ, иначе церковь такъ бы и постановила. Въ ту пору, когда насаждались первыя сѣмена христіанства, такое чтеніе могло быть вредно; теперь, когда язычество пришло къ уничтоженію, оно опасно для ребятъ и неофитовъ. Что до меня, я не боюсь, хотя бы ничѣмъ другимъ не занимался, ибо со времени моего крещенія, по мѣрѣ бренныхъ человѣческихъ силъ, исповѣдуя, что поется въ собраніи вѣрующіхъ. — И Боккаччо парофразируетъ символъ вѣры, называя Іоанна Предтечу сурошимъ пророкомъ-отшельникомъ⁵⁾, дьявола

1) Ostentationis causa.

2) Graecis uti carminibus.

3) XV, 8: religiosi homines.

4) Mythica, physica и civilis или politica.

5) XV, 9: ab hispido atque silvycola vate.

Плутономъ, апостоловъ соратниками Христа, цитуя Фому Аквинскаго и Діонісія Ареопагита. Вотъ вѣчныи истины, глубоко проникши въ мое сердце, ихъ не искоренить никакое язычество, ибо если я и грѣшникъ, то, благодаря Бога, не Херея Теренція, котраго изображеніе Зевса, падающаго съ крыши на Даную (золотымъ дождемъ), возбудило къ желанному имъ поступку. Съ годами прошло и вѣтреное отношеніе къ подобнымъ вопросамъ, чего, впрочемъ, я за собой не помню, и какъ Митридатъ ядами вооружился противъ яда, такъ я противъ сѣтей древняго врага ученіями ап. Павла, Августина и другихъ святыхъ отцовъ. Если, будучи христіаниномъ, я занимался языческими бреднями, то дѣлалъ я это по твоему велѣнію, славный повелитель, подражая, если дозволено сравненіе малаго съ великими, Августину, Іерониму и Лактанцію. Съ малыхъ лѣтъ я знаю, по словамъ псаломпѣвца, что языческіе боги—демоны, ихъ дѣянія всегда были мнѣ противны; но, сознаюсь, нравы и писанія нѣкоторыхъ поэтовъ, если устраниТЬ вопросъ объ ихъ религії, мнѣ нравились, я хвалилъ ихъ и защищалъ отъ нападеній невѣждъ, ибо убѣждень, что, еслибы они познали истиннаго Бога, были бы прославлены и среди христіанъ.—Хорошо, скажутъ мнѣ, ты принялъ мѣры противъ враговъ, но, возясь со смолой, не трудно и замараться; вспомни примѣръ Соломона; ты не сильнѣ-же его? — У него была другого рода опасность: его совратила жена египтянка — а кто не знаетъ, какъ трудно и тяжело бороться съ любимой женщиной, особенно въ ночныхъ бесѣдахъ съ нею? У меня же борьба съ языческими баснями, которыхъ тщету я знаю, и Господь не попуститъ, чтобы подъ старость я совратился съ праваго пути, по которому шель съ малыхъ лѣтъ.

Слѣдующая глава¹⁾ напоминаетъ мотивы *De Casibus*: бесѣду автора съ Фортуной и оборону Алкивиада и своего собственнаго поэтическаго призванія²⁾. Онъ отвѣчаетъ на возможный вопросъ,

1) XV, 10.

2) *De Casibus*, VI, введеніе; III, 18, 14. Сл. выше стр. 248 слѣд., 276—7.

почему не предпочелъ онъ болѣе почтенныхыя¹⁾ занятія цесарскими и каноническими законами, медициной, философией, наконецъ священнымъ писаніемъ²⁾), чтѣ предпочтительнѣе всего. Какъ гитаристъ³⁾ изъ струнъ различно натянутыхъ и издающихъ не одни и тѣ же звуки извлекаетъ нѣжную мелодію, такъ природа создѣаетъ различныя способности и призванія на поддержаніе человѣческаго рода, иначе немыслимое. Вотъ почему одинъ рождается ремесленникомъ⁴⁾, другой морякомъ, тотъ купцомъ, священникомъ, юристомъ, поэтомъ, философомъ, богословомъ. Чтѣ-бы вышло, еслибы всѣ предались богословію, и не было земледѣльца? Я хорошо знаю, что всѣ мы одарены свободной волей и можемъ побороть ею силы природы, чтѣ инымъ и удавалось, но крайне рѣдко, ибо наскѣ неудержимо влечеть къ тому, на что мы родились. И такъ, если мы родились и воспитывались на разное, довольно и того, что мы по мѣрѣ силъ⁵⁾ исполнили свое призваніе, не увлекаясь къ другому; кто пытался это сдѣлать, терялъ свое, не ставъ тѣмъ, чѣмъ желалъ. На какое бы дѣло природа не произвела другихъ людей, меня она расположила отъ чрева матери къ поэтическимъ созерцаніямъ; на это я рожденъ, это доказалъ опытъ.—И Боккаччо разсказываетъ о напрасныхъ попыткахъ отца сдѣлать изъ него купца или канониста⁶⁾; къ другимъ занятіямъ его не тянуло, отъ богословія его удержали годы⁷⁾ и недостаточность таланта и нежеланіе подъ старость лѣтъ стать школьнікомъ въ новой области знанія. И такъ, оставьте сапожника при шигѣ и щетинѣ, меня при моихъ поэтахъ.

Нѣсколько неожиданнымъ является упрекъ, что Боккаччо потревожилъ прахъ древнихъ царей, предавъ порицанію ихъ

1) Gen. Deor. l. c.: studiis sanctioribus.

2) Sacra volumina.

3) Cytarista.

4) Faber.

5) Plane.

6) См. выше т. I, стр. 14 слѣд.

7) Gen. Deor. l. c.: annosa aetas.

славу, и снова возбудилъ вниманіе къ полузабытымъ злодѣяніямъ языческихъ боговъ. Эти обвиненія отзываются язычествомъ¹⁾), отвѣтаетъ авторъ; никѣмъ не воспрещено писать о дѣяніяхъ царей, достойныхъ или недостойныхъ; ихъ дѣломъ было такъ поступать, чтобы о нихъ можно было разсказать лишь достойное. Обнаруживая негодованіе къ откровенности Боккаччо, противники рисуются своимъ великодушiemъ, благородствомъ. Дешево они хотятъ пріобрѣсть его: вѣдь онодается добрыми нравами, справедливостью, святостью, знаніемъ. Пусть соболѣзнують чemu-нибудь другому, лучшему, ибо нельзя соболѣзновать недостойнымъ, хотя бы и не язычникамъ. — А что я возбудилъ память о полузабытыхъ мерзостяхъ боговъ, то они не только покоятся сномъ, но и погрязли подъ бременемъ Христовой истины; и я, христіанинъ, потщился увеличить это бремя.

Для однихъ я писалъ слишкомъ сжато, для другихъ—слишкомъ пространно. Первымъ отвѣчу, что я сообщалъ лишь то, что находилъ въ источникахъ, не умножая и не изобрѣтая; никогда бы не кончилъ, если бы старался быть подробнѣе; писалъ для ученьшаго короля и для людей понимающихъ; наконецъ, сжатость полезна и въ томъ смыслѣ, то она изощряетъ пытливость; кроме того, я желалъ оставить кое-что и для другихъ, чтобы не отбить у нихъ славы. А если иной разъ я былъ пространнѣе, то меня увлекало мое перо, какъ и многихъ, разумнѣйшихъ, чѣмъ я; это можетъ быть полезно для менѣе понимающихъ²⁾.

Оставалось удалить еще одно подозрѣніе завистниковъ, будто бы Боккаччо лишь похвастался, что написалъ свой трудъ по повелѣнію короля. Всѣ мы жаждемъ похвалы, лучшими людьми движетъ желаніе славы, какъ сказалъ Цицеронъ; вѣдь для маленькаго человѣка большая честь услужить достойному повелиителю. И я также жажду славы, говорить Боккаччо, но ко лжи неспособенъ. Я гордъ, если назвать гордостью то, что лишь Богу

1) XV, 11: gentilium animum redolet ista conquestio.

2) XV, 12.

воздаю честь и поклоненіе по своей волѣ, а не всѣмъ, кто меня о томъ попроситъ.—Боккаччо припоминаетъ по этому поводу извѣстныя намъ подробности, какъ король побудилъ его къ труду черезъ посредство Доннино, Беккино Беллинчони и Павла Геометра¹⁾. Никогда не видѣлъ я твоего величества, ни ты меня, говорить онъ; напрашиваться на твое личное, письменное приказаніе я считалъ излишней гордостью²⁾; я повѣрилъ твоимъ посредникамъ; изъ нихъ одинъ, Доннино, умеръ почти въ томъ-же году, другіе живы; они и ты можете свидѣтельствовать за меня. Но у меня есть и другіе свидѣтели, не худородные³⁾, а именитые люди: что еслиъ я захотѣлъ украсить свой трудъ королевскимъ именемъ, мнѣ нечего было измышлять нелѣпую басню о Кипрѣ, ибо былъ нѣкій король, хотя и не столь ученый⁴⁾, который самъ попросилъ бы меня посвятить ему мой трудъ, еслиъ разсчитывалъ на мое согласіе, полагая, что не его имя принесеть мнѣ славу, а мои писанія умножать его собственную. Ибо похвалами⁵⁾ писателей превозносятся имена властивующихъ; недаромъ писателей привлекали къ себѣ и поощряли Александръ Македонскій и Помпей, Сципіоны и Катонъ Цензорій, Марій, Цицеронъ и другіе. Неужели сталъ бы я должно навязываться къ именитому королю съ непрошенней славой, пятная при этомъ мою собственную? Ни при одномъ изъ другихъ моихъ трудовъ нѣть подобнаго посвященія; только Буколику я посвятилъ моему дорогому другу⁶⁾ Донато Альбанцани⁷⁾, бѣдному, но честному человѣку, по его просьбѣ; королевскимъ именамъ я не даю предпочтенія. А что короли желаютъ и домогаются такихъ посвященій, то примѣромъ тому славный Робертъ, властитель Іерусалима и Сициліи, про-

1) XV, 13. См. выше т. I, стр. 96, II, стр. 106—7, 328 слѣд., 886.

2) XV, 13: mihi superbum visum est.

3) Ex fece plebeia.

4) Esto minus intelligens princeps esset.

5) Suffragiis.

6) Praecipius amicus.

7) Donatus Appenigena.

сившій знаменитаго мужа, Франческо Петрарку, украсить его именемъ Африку, если онъ не найдеть ей высшаго назначенія¹⁾, и не во славу автора, а себѣ въ честь. Не знатныя имена дѣлаются писателей извѣстными, писателя даютъ имъ извѣстность; къ хорошему труду ничего не прибавить королевское имя, дурной не защитить отъ нареканій. Я же повторю тебѣ: я такъ упрямо гордъ²⁾, что развѣ Богу, но самому Цесарю или Сципіону не посвятиль бы и одного стихотворенія, иначе какъ по ихъ просьбѣ или по дружбѣ. Пусть король извинитъ меня за откровенность и заставитъ умолкнуть тѣхъ, кто сталъ бы утверждать, что этотъ трудъ посвященъ ему не по его просьбѣ, написанъ не по его велѣнію.

Трудъ конченъ, сказано многое въ защиту его и автора, который самъ сознаетъ свои недостатки и проситъ короля исправить ихъ, пополнить, что нужно, украсить стилистически. Если же онъ отвлеченъ государственными обязанностями, то авторъ предоставляетъ себя на судъ людей вѣрующихъ и благочестивыхъ, особенно знаменитаго своего учителя Франческо Петрарки: пусть съ свойственнымъ имъ благодушіемъ они устранитъ его заблужденія, либо направятъ ихъ на пусть святой истины. Онъ будетъ доволенъ своимъ трудомъ, если удовлетворилъ короля; но не вмѣній это мнѣ въ заслугу, заключаетъ онъ: не мнѣ честь, и не моему знанію, а Тому, отъ Кого исходитъ все благое. Не намъ Господи, не намъ, а имени Твоему³⁾.

VII.

«Генеалогія боговъ» заслуживали подробнаго разбора; послѣ Декамерона это второе казовое произведеніе Боккаччо: одно завершило его юность, другое его ученую зрѣлость; оба вызвали

1) *Ni altius tribuisse.*

2) *Superbe obstinatus.*

3) XV, 14.